

30.4.99.

Известия — 1999 — 30 апр. — с. 7

Долгое прощание

Телефильм об Иосифе Кобзоне на РТР

Алексей МУНИПОВ

Черета телеэпопей продолжает. Вслед за юбилейной пугачевщиной на РТР показали четырехсерийный фильм «Прощание с державой», главный герой которого — Кобзон. Видимого информационного повода никакого — единственным аргументом, похоже, стала естественная обида: а чем я хуже? Про кого же и снимать, если не про Кобзона?

Это верно. Правда, и снимать про великого певца советской эпохи задача не из легких. Сказать, что автор фильма с этой задачей не справился, — ничего не сказать. Кажется, единственная его заслуга — дал еще раз послушать хорошие песни.

Конечно, у нас любые проекты такого рода обычно заканчиваются позорными неудачами, которые стыдно показывать и так же стыдно должно быть делать. Достаточно вспомнить набор домашних видеозаготовок, который выдали телезрителям за фильм о Наташе Королевой. Но ведь Иосиф Давыдович — функционер особого значения. Не старлетка какая-нибудь. Чего стоило пригласить того же Парфенова, который на конфертации веселого советского прошлого в эстетский

видеокалип съел не одну свору разномастных собак. Получилась бы ладно скроенная державка, которую мы потеряли, — и черт с ней. Поскольку всю империю нам заменит Кобзон. Он сам так и говорит: «О каком бы событии ни вспомнили мои дети, я обязательно причастен к этим событиям». Нет на свете такой стройки, нет на свете такой плавки. Это наша с тобой биография, а также география и демография.

Получилось совсем другое. Державы, с которой надлежит прощаться, в фильме действительно в избытке: архивные кадры занимают чуть ли не половину эфирного времени. Прямо с первых минут, сразу после грозной заставки: зовущие трубы, языки пламени и искаженное тяжелыми раздумьями лицо певца. С места в карьер: Магнитки, магнитолы, лакированные «победы», стройки века, он сказал «поехали», спутник, партия, новостройки, ночная Москва и поверх всего — неоновый лозунг про победу коммунизма. Специальный праздничный набор. Но вот Кобзона-певца отчетливо не хватает.

Его, по сути, просто нет. Его старые выступления прекрасно вписываются где-то между стройотрядами и лихим паровозом, который ле-

тит вперед, чтоб не расстаться с комсомолом. Красивый фон. Плюс совершенно нелепые съемки репетиций, не прибавляющие к образу ни грана: на них дирижер постоянно распекает кого-то из оркестра, а певец задумчиво кивает головой.

А вот Кобзон-человек предстает таким, каким, видимо, и хочет запомниться сегодня заинтересованным гражданам: функционером, политиком с человеческим лицом. Он в окружении безликих губернаторов, серьезных мужчин в галстуках, по леву руку Лужков, по праву — Ельцин. Поддерживает этого, агитирует за того. И даже массивная цепь, которая ненароком выглянула в просвет рубашки по недосмотру оператора, тогда лишь дополняет картину. И даже синяя татуировка в дембельском стиле, продемонстрированная бдительной камерой, тоже не портит благородного образа. Для политика это нынче не зазорно. Про дружбу с Квантришвили и Япончиком фильм, конечно, не напоминает, но этого и не требуется.

Кобзон — советник правительства Москвы по культуре, если кто не помнит. Культура, которой он симпатизирует, в фильме представлена коротко и ясно: персональной выставкой Шилова. Цере-

тели угадывается. Какая у нас будет культура, когда придет время Лужкова, предсказать тоже не сложно: хрустальная часовня в полный рост.

Фокус в том, что Кобзона в тех кадрах, где он не поет, можно легко заменить на того же Лужкова, и никто не заметит подмены. Потому что весь фильм снят в эстетике напористого предвыборного ролика, а вовсе не иллюстрированной биографии. И подбор материала соответствующий: примерный семьянин, любит Москву, голубей гонял, много ездил по стране, знает жизнь простых людей не понаслышке. Личные воспоминания не простираются дальше констатаций: «Хорошее было время». Философские рассуждения оканчиваются глубокомысленным выводом: «Думаете, российская духовность умерла? — Ни фиги!»

Первую зарплату маме отдал. А вы как думали?

Приторный репортер спрашивает в кадре: «А не хотели бы вы стать мэром?» — «Нет, не хочу», — отвечает тот. «А какие у вас недостатки?» — не унимается репортер. «Не пью», — отвечает Кобзон. То есть еще одно достоинство, да с вывертом: понимает, что пить надо,



Истинно державный Кобзон

и не осуждает, даже наоборот. Свой. «Отечество» может спать спокойно.

Плакать хочется. С какой бы это стати певцу быть мэром? Дурацкий вопрос, но ведь его оставили в фильме, значит, герой посчитал уместным. Что и настораживает.

Тягостное ощущение: вместо живой биографии подсунили агитку. Но к концу четвертой серии возникает странное чувство уважения:

надо очень постараться, чтобы не пропустить в эфир ни секунды личной жизни. И жизни вообще. У Фрэнка Синатры, певца, с которым уместнее всего сравнивать Кобзона, репутация подмочена намертво. Все знают: был плейбоем и сексуальным агрессором. Биографы постарались. С Кобзоном осечки не будет. Никаких деталей. Ни на миллиметр от столбовой дороги. Глыба. Матерый человецище.

Кобзон Иосиф